

***Он поэт, поэт народный,
Он поэт родной земли!***

К юбилею Сергея Есенина

A photograph of a lake at sunset. The sky is a mix of soft pinks, oranges, and blues. The sun is low on the horizon, creating a warm glow. The water is calm, reflecting the colors of the sky. In the foreground, a wooden pier or dock extends into the water. The background shows a line of trees on the far shore.

Выткался на озере алый свет зари.
На бору со звонами плачут глухари.

Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется - на душе светло.

Задремали звезды золотые,
Задрожало зеркало затона,
Брезжит свет на заводи речные
И румянит сетку небосклона.

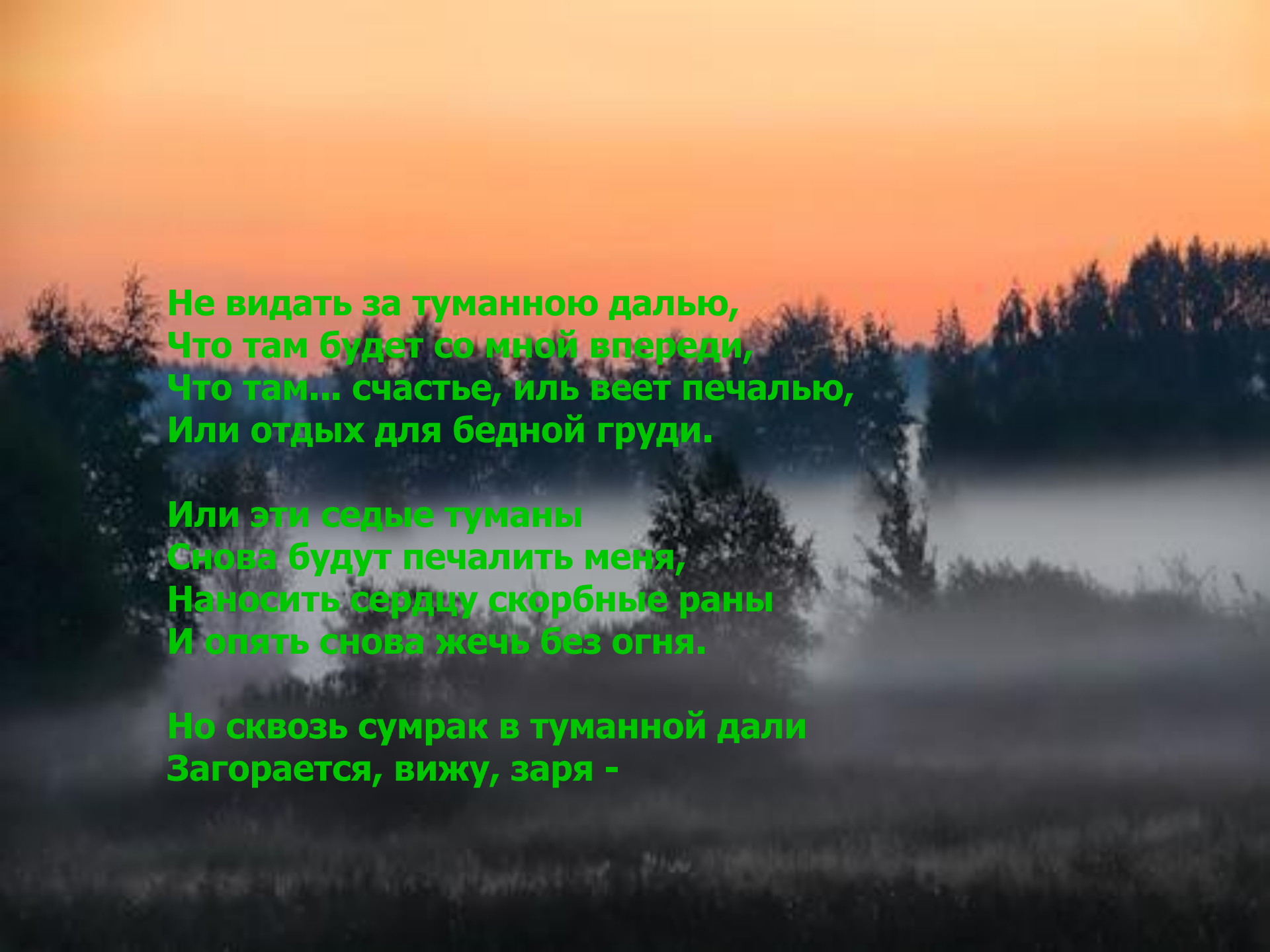
Улыбнулись сонные березки,
Растрепали шелковые косы.
Шелестят зеленые сережки,
И горят серебряные росы.

У плетня заросшая крапива
Обрядилась ярким перламутром
И, качаясь, шепчет шаловливо:
С добрым утром!

■ *Тот поэт, врагов кто губит,
Чья родная правда мать,
Кто людей, как братьев, любит
И готов за них страдать.
Он все сделает свободно,
Что другие не могли.
Он поэт, поэт народный,
Он поэт родной земли!*

A misty forest at dawn or dusk. The sky is a warm, glowing orange and yellow, suggesting the sun is low on the horizon. The trees are dark and silhouetted against the light, with a thick layer of mist or fog hanging between them, creating a sense of depth and mystery. The overall mood is serene and contemplative.

Не видать за туманною далью,
Что там будет со мной впереди,
Что там... счастье, иль веет печалью,
Или отдых для бедной груди.

Или эти седые туманы
Снова будут печалить меня,
Наносить сердцу скорбные раны
И опять снова жечь без огня.

Но сквозь сумрак в туманной дали
Загорается, вижу, заря -

*Я по первому снегу бреду,
В сердце ландыши вспыхнувших
сил.*

*Вечер синею свечкой звезду
Над дорогой моей засветил.*

*Я не знаю - то свет или мрак?
В чаще ветер поет иль петух?
Может, вместо зимы на полях,
Это лебеди сели на луг.*

*Хороша ты, о белая гладь!
Греет кровь мою легкий мороз.
Так и хочется к телу прижать
Обнаженные груди берез.*

*О лесная, дремучая муть!
О веселье оснеженных нив!
Так и хочется руки сомкнуть
Над древесными бедрами ив.*

A serene winter night scene. A large, bright full moon hangs in the dark sky. The landscape is covered in snow, with several evergreen trees heavily laden with white snow. In the center, a small, dark wooden house with a gabled roof is visible, its windows glowing with a warm light. The overall atmosphere is quiet and peaceful.

*Поет зима - аукает,
Мохнатый лес баюкает
Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далекую
Седые облака.*

*А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
Но больно холодна.
Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
Прижались у окна.*

Не каждый умеет петь,
Не каждому дано яблоком
Падать к чужим ногам.

Сие есть самая великая исповедь,
Которой исповедуется хулиган.

Я нарочно иду нечесаным,
С головой, как керосиновая лампа, на плечах
Ваших душ безлиственную осень
Мне нравится в потемках освещать.

Мне нравится, когда камнями брани
Летят в меня, как град рыгающей грозы,
Я только крепче жму тогда руками
Моих волос качнувшийся пузырь.

Исповедь хулигана
читает: Сергей ЕСЕНИН

Так хорошо тогда мне вспоминать
Заросший пруд и хриплый звон ольхи,
Что где-то у меня живут отец и мать,
Которым наплевать на все мои стихи,
Которым дорога, как поле и как плоть,
Как дождик, что весной взрыхляет зелень,
Они бы вилами пришли вас заколоть
За каждый крик ваш, брошенный в меня.

Бедные, бедные крестьяне!
Вы, наверно, стали некрасивыми,
Так же боитесь бога и болотных недр.
О, если б вы понимали,
Что сын ваш в России -
Самый лучший поэт!
Вы ль за жизнь его сердцем не индеели,
Когда босые ноги он в лужах осенних макал?
А теперь он ходит в цилиндре
И лакированных башмаках.

Но живет в нем задор прежней вправки
Деревенского озорника,
Каждой корове с вывески мясной лавки -
Он кланяется издали,
И, встречаясь с извозчиками на площади,
Вспоминает запах навоза с родных полей,
Он готов нести хвост каждой лошади,
Как венчального платья шлейф.

**Татьяна Федоровна
Есенина – мать поэта
1946г.**

ПИСЬМО МАТЕРИ

**Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей
избушкой
Тот вечерний несказанный свет.**

**Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.**

**И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж:
Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож.**

**Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.**

**я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш дом.**

**я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад.**

A landscape photograph showing a sunset over a body of water. A large, leafy tree stands in the foreground, with the sun setting behind it, creating a bright glow. The sky is a mix of blue and orange, and the water reflects the light. The text is overlaid on the right side of the image.

Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогого гостя встречать.

Я сегодня увидел в пуще
След широких колес на лугу.
Треплет ветер под облачной кущей
Золотую его дугу.

На рассвете он завтра промчится,
Шапку-месяц пригнув под кустом,
И игриво взмахнет кобылица
Над равниною красным хвостом.

Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.

Воспою я тебя и гостя,
Нашу печь, петуха и кров...
И на песни мои прольется
Молоко твоих рыжих коров.

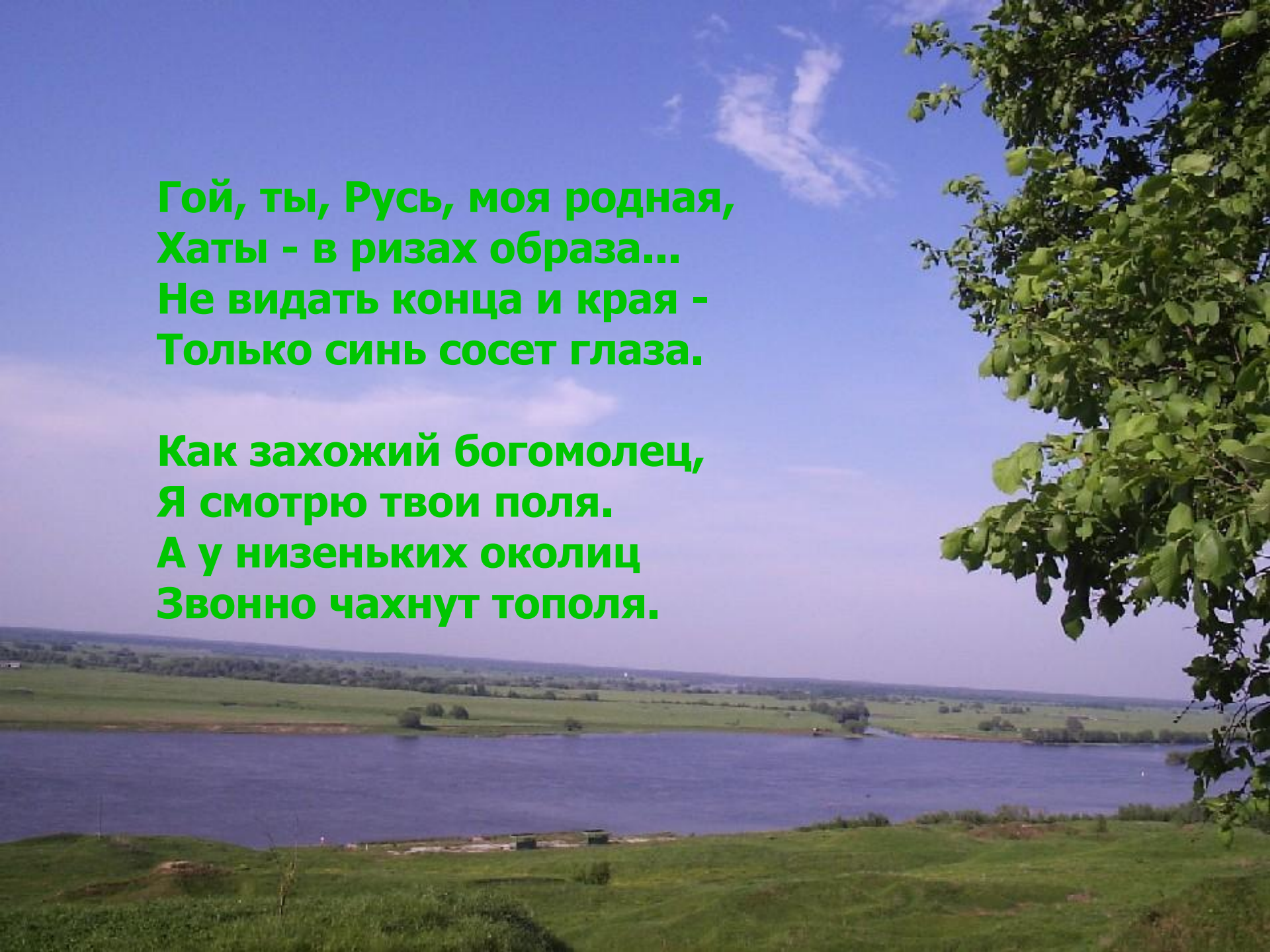
A landscape photograph showing a wide river in the middle ground, with green fields and some trees on the banks. The sky is filled with large, white and grey clouds, with patches of blue visible. The overall scene is bright and somewhat dramatic due to the lighting from the clouds.

Несказанное, синее, нежное...
Тих мой край после бурь, после гроз,
И душа моя — поле безбрежное —
Дышит запахом меда и роз.

Я утих. Годы сделали дело,
Но того, что прошло, не кляню.
Словно тройка коней оголтелая
Прокатилась во всю страну.

**Гой, ты, Русь, моя родная,
Хаты - в ризах образа...
Не видать конца и края -
Только синь сосет глаза.**

**Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонно чахнут тополя.**

*Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных.
По меже, на переметке,
Резеда и риза кашки.
И вызванивают в четки
Ивы - кроткие монашки.
Курит облаком болото,
Гарь в небесном коромысле.
С тихой тайной для кого-то
Затаил я в сердце мысли.
Все встречаю, все приемлю,
Рад и счастлив душу вынуть.
Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть.*

Л. И. Кашиной

*Зеленая прическа,
Девическая грудь,
О тонкая березка,
Что загляделась в пруд?*

*Что шепчет тебе ветер?
О чем звенит песок?
Иль хочешь в косы-ветви
Ты лунный гребешок?*

*Открой, открой мне тайну
Твоих древесных дум,
Я полюбил печальный
Твой предосенний шум.*

*Какая ночь! Я не могу.
Не спится мне. Такая лунность.
Еще как будто берегу
В душе утраченную юность.*

*Подруга охладевших лет,
Не называй игру любовью,
Пусть лучше этот лунный свет
Ко мне струится к изголовью.*

*Пусть искаженные черты
Он обрисовывает смело,-
Ведь разлюбить не сможешь ты,
Как полюбить ты не сумела.*

*Любить лишь можно только раз,
Вот оттого ты мне чужая,
Что липы тщетно манят нас,
В сугробы ноги погружая.*

*Ведь знаю я и знаешь ты,
Что в этот отсвет лунный, сини
На этих липах не цветы -
На этих липах снег да иней.*

*Что отлюбили мы давно,
Ты не меня, а я - другую,
И нам обоим все равно
Играть в любовь недорогую.*

*Но все ж ласкай и обнимай
В лукавой страсти поцелуя,
Пусть сердцу вечно снится май
И та, что навсегда люблю я.*

30 ноября 1925

Сергей Есенин

Пускай ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклянный дым
И глаз осенняя усталость.

О возраст осени! Он мне
Дороже юности и лета.
Ты стала нравиться вдвойне
Воображению поэта.

Я сердцем никогда не лгу,
И потому на голос чванства
Бестрепетно сказать могу,
Что я прощаюсь с хулиганством.

Пора расстаться с озорной
И непокорною отвагой.
Уж сердце наполнилось иной,
Кровь отрезвляющею брагой.

И мне в окошко постучал
Сентябрь багряной веткой ивы,
Чтоб я готов был и встречал
Его приход неприхотливый.

Теперь со многим я мирюсь
Без принужденья, без утраты.
Иною кажется мне Русь,
Иными - кладбища и хаты.

Прозрачно я смотрю вокруг
И вижу, там ли, здесь ли, где-то ль,
Что ты одна, сестра и друг,
Могла быть спутницей поэта.

*Руки милой - пара лебедей -
В золоте волос моих ныряют.
Все на этом свете из людей
Песнь любви поют и повторяют.*

*Пел и я когда-то далеко
И теперь пою про то же снова,
Потому и дышит глубоко
Нежностью пропитанное слово.*

*Над окошком месяц. Под окошком ветер.
Облетевший тополь серебрист и светел.*

*Дальний плач тальянки, голос одинокий -
И такой родимый, и такой далекий.*

*Плачет и смеется песня лиховая.
Где ты, моя липа? Липа вековая?*

*Я и сам когда-то в праздник спозаранку
Выходил к любимой, развернув тальянку.*

*А теперь я милой ничего не значу.
Под чужую песню и смеюсь и плачу.*

**Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.**

**Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер в даль.
Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль.**

**Не жаль мне лет, растроченных напрасно,
Не жаль души сиреневую цветь.
В саду горит костер рябины красной
Но никого не может он согреть.**

*Клен ты мой опавший, клен заледенелый,
Что стоишь, нагнувшись, под метелью белой?*

*Или что увидел? Или что услышал?
Словно за деревню погулять ты вышел*

*Ах, и сам я нынче чтой-то стал нестойкий,
Не дойду до дома с дружеской попойки.*

*Там вон встретил вербу, там сосну приметил,
Распевал им песни под метель о лете.*

*Сам себе казался я таким же кленом,
Только не опавшим, а вовсю зеленым.*

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий! ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст
О, моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств!

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

*Снежная замять крутит бойко,
По полю мчится чужая тройка.*

*Мчится на тройке чужая младость.
Где мое счастье? Где моя радость?*

*Все укатилось под вихрем бойким
Вот на такой же бешеной тройке.*

**Колокол дремавший
Разбудил поля,
Улыбнулась солнцу
Сонная земля.**

**Понеслись удары
К синим небесам,
Звонко раздается
Голос по лесам.**

**Скрылась за рекою
Белая луна,
Звонко побежала
Резвая волна.**

**Тихая долина
Отгоняет сон,
Где-то за дорогой
Замирает звон.**

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть.

Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой воде.
Словно яблонный цвет, седина
У отца пролилась в бороде.

Я не скоро, не скоро вернусь!
Долго петь и звенеть пурге.
Стережет голубую Русь
Старый клен на одной ноге.

И я знаю, есть радость в нем
Тем, кто листьев целует дождь,
Оттого, что тот старый клен
Головой на меня похож.

Золото холодное луны,
Запах олеандра и левкоя.
Хорошо бродить среди покоя
Голубой и ласковой страны.

Далеко-далече там Багдад,
Где жила и пела Шахразада.
Но теперь ей ничего не надо.
Отзвенел давно звеневший сад.

Оглянись, как хорошо кругом:
Губы к розам так и тянет, тянет.
Помирись лишь в сердце со врагом -
И тебя блаженством ошафранит.

Жить - так жить, любить - так уж влюбляться.
В лунном золоте целуйся и гуляй,
Если ж хочешь мертвым поклоняться,
То живых тем сном не отравляй.

Это пела даже Шахразада,-
Так вторично скажет листьев медь.
Тех, которым ничего не надо,
Только можно в мире пожалеть.

Голубая родина Фирдуси,
Ты не можешь, памятью простыв,
Позабить о ласковом уресе
И глазах задумчиво простых.
Голубая родина Фирдуси.
Хороша ты, Персия, я знаю,
Розы, как светильники, горят
И опять мне о далеком крае
Свежестью упругой говорят.
Хороша ты, Персия, я знаю.
Я сегодня пью в последний раз
Ароматы, что хмельны, как брага.
И твой голос, дорогая Шага,
В этот трудный расставанья час
Слушаю в последний раз.

*Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда,—
Слишком были такими недавними
Отзвучавшие в сумрак года.
До сегодня еще мне снится
Наше поле, луга и лес,
Принакрытые сереньким ситцем
Этих северных бедных небес.
Восхищаться уж я не умею
И пропасть не хотел бы в глуши,
Но, наверно, навеки имею
Нежность грустную русской души.
Полюбил я седых журавлей
С их курлыканием в тощие дали,
Потому что в просторах полей
Они сытных хлебов не видали.*

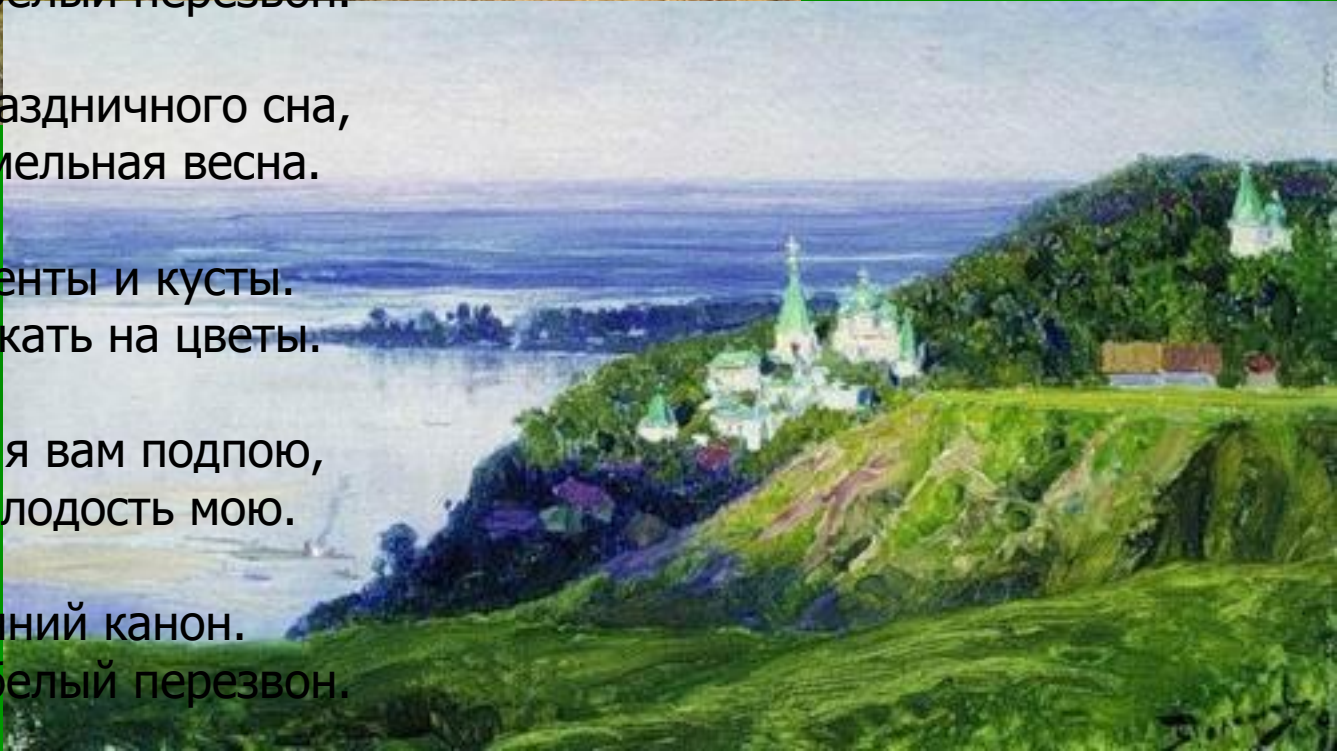
Троицыно утро, утренний канон,
В роще по березкам белый перезвон.

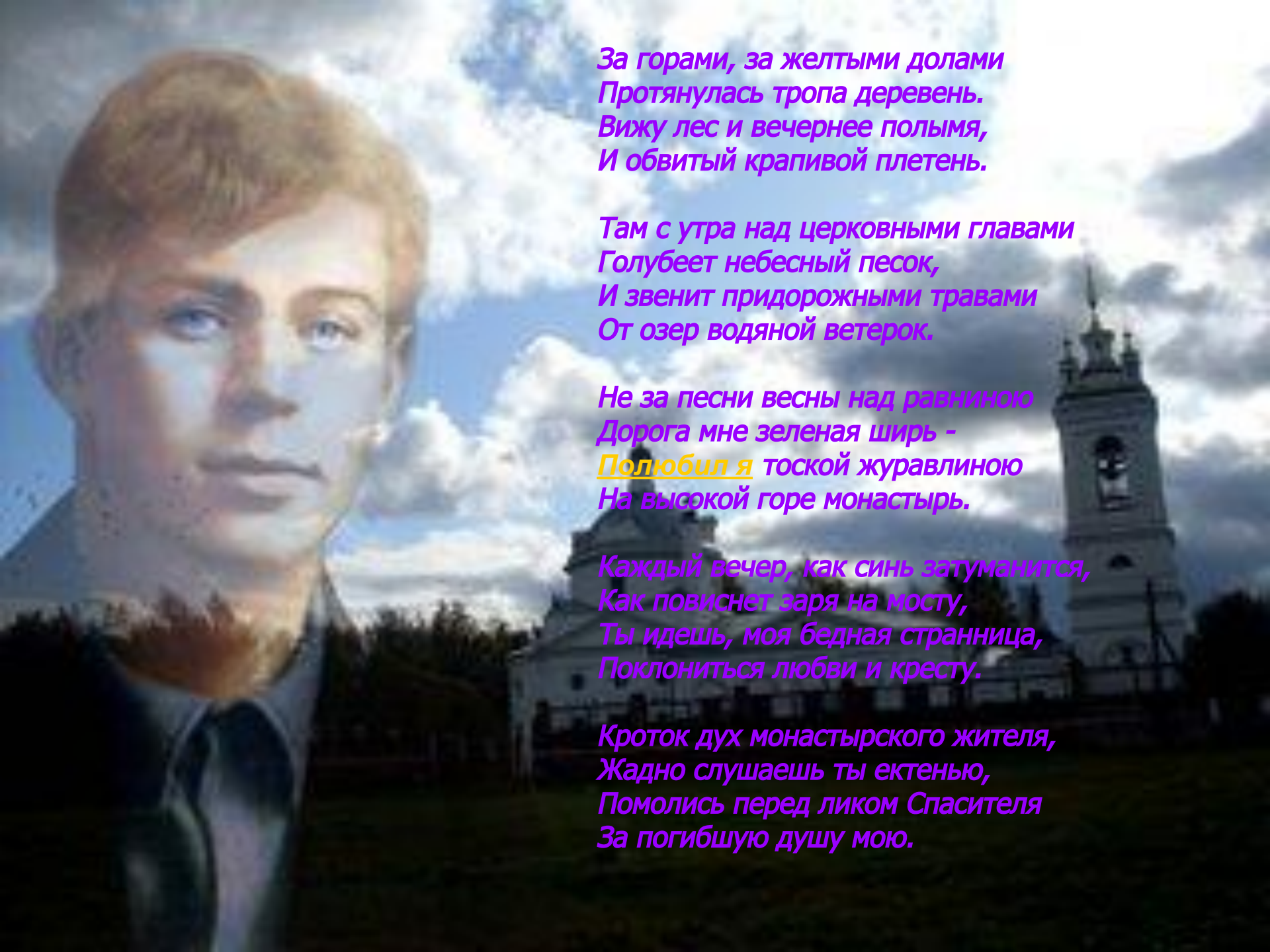
Тянется деревня с праздничного сна,
В благовесте ветра хмельная весна.

На резных окошках ленты и кусты.
Я пойду к обедне плакать на цветы.

Пойте в чаще, птицы, я вам подпою,
Похороним вместе молодость мою.

Троицыно утро, утренний канон.
В роще по березкам белый перезвон.

За горами, за желтыми долами
Протянулась тропа деревень.
Вижу лес и вечернее полымя,
И обвитый крапивой плетень.

Там с утра над церковными главами
Голубеет небесный песок,
И звенит придорожными травами
От озер водяной ветерок.

Не за песни весны над равниною
Дорога мне зеленая ширь -
Полюбил я тоской журавлиною
На высокой горе монастырь.

Каждый вечер, как синь затуманится,
Как повиснет заря на мосту,
Ты идешь, моя бедная странница,
Поклониться любви и кресту.

Кроток дух монастырского жителя,
Жадно слушаешь ты ектенью,
Помолись перед ликом Спасителя
За погибшую душу мою.

**Гляну в поле, гляну в небо -
И в полях и в небе рай.
Снова тонет в копнах хлеба
Незапаханный мой край.**

**Снова в рощах непасеных
Неизбывные стада,
И струится с гор зеленых
Златоструйная вода.**

**О, я верю - знать, за муки
Над пропавшим мужиком
Кто-то ласковые руки
Проливает молоком.**

Я последний поэт деревни,
Скромн в песнях дощатый мост.
За прощальной стою обедней
Кадящих листвою берез.

Догорит золотистым пламенем
Из телесного воска свеча,
И луны часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час.

На тропу голубого поля
Скоро выйдет железный гость.
Злак овсяный, зарею пролитый,
Соберет его черная горсть.

Не живые, чужие ладони,
Этим песням при вас не жить!
Только будут колосья-кони
О хозяине старом тужить.

Будет ветер сосать их ржанье,
Панихидный справляя пляс.
Скоро, скоро часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час!

Сергей Есенин

В летних зорях, в золоте осеннем,
В каждом зарождающемся дне
Скачет по святой Руси Есенин
На крылатом розовом коне.
Он с метелями летит над нами,
Возрождается весной в цветах,
Человек с небесными глазами,
С песнею медовой на устах.
Он весь тутошный душой и телом,
Гений русской матушки земли.
Сердце его Русь в стихах воспело,
Как воспеть другие не могли.
Преумножил он любовь народа
К нашим рощам, речкам и полям,
К лучезарным зорям и восходам
И летящим в небе журавлям.
И поныне в тесном мире этом
Звезды светят, и ручьи журчат,
Но как трудно быть, Сергей, поэтом,
Коль вокруг твои стихи звучат.
В летних зорях, в золоте осеннем,
Пока вьется жизни круговерть,
Будет жить в стихах Сергей Есенин,
Его песнь тальянки будут петь.

Февраль 2002г.

